

УДК 304.2/304.44+314.06

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.23

A cosmopolitan, Sami-friendly scholar? Väinö Tanner on the best way to treat the Sami

© **Nyysönen, Jukka**, Dr. artium, researcher, Department of History and Religious Studies/Section of Cultural Studies, Tromsø University Museum, University of Tromsø — The Arctic University of Tromsø, Norway. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Abstract. The topic of this article is Väinö Tanner's views on Sami policies, which are examined from numerous perspectives, including his personal career and Nordic Sami policies. The discursive resources that he re-produced are also charted. Of the Sami policies in existence at that time, Tanner advocated the Swedish variant, which suited better the agenda of his scholarly production on the Skolt Sami. The origins of his choice are located in his long-term professional contact with Swedish experts

on the Sami and the expert role provided by Swedish discourses on the Sami. The anti-Finnish agenda in his scholarly production, and his consequent wish to elevate the Sami in the hierarchies of that time, rendered the more aggressive Norwegian rhetoric on the Sami unusable. In addition, Tanner showed signs of a cultural sensitivity that made him suspicious of assimilative policies.

Keywords: Väinö Tanner, Sami research, History of Sami policies, History of minority policies

Дружественный саамам учёный-космополит? Вяйнё Таннер о наилучшем способе обращения с саамами

© **Нюссонен Юкка**, доктор искусств, научный сотрудник отдела истории и религиоведения / раздел культурологии, музей Университета Тромсё, Университета Тромсё — Арктический университет Тромсё, Норвегия. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Аннотация. В данной статье рассматриваются идеи Вяйнё Таннера о политике в отношении саамов, взятые из многочисленных источников, в том числе из описания его личной карьеры и североευропейской политики касательно саамов, включая дискурсивные ресурсы, которые он создал. В существующей в то время политике в отношении саамов он выступал за шведский вариант, наиболее подходящий для круга вопросов в его работах о народности скольт-саамов. Его выбор объясняется более долгим профессиональным общением со шведскими экспертами по теме саамов и его ролью эксперта в этих дискуссиях. Антифинские вопросы в его научных работах и соответствующее желание поднять позицию саамов в иерархии превратили более агрессивную норвежскую риторику о саамах в непригодную для использования. Кроме того, он показал признаки культурной чувствительности, которые сделали его достаточно осторожным в отношении ассимилятивной политики.

Ключевые слова: Вяйнё Таннер, исследование народов Саами, история политики в отношении саамов, история политики малых народностей

Среди известных скандинавских исследователей саамского общества и культуры Вяйнё Таннер (1881–1948) вызывает сравнительно небольшой научный интерес в качестве объекта исследования [1, 2, Massa I.; 3, 4, 5, Susiluoto P.]. Несмотря на многочисленные положительные отзывы и статус «классической» в отношении его значительной работы о скольт-саамах: Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna («Антрополого-географические исследования в районе Петсамо. 1, Скольт-лопари», 1929, далее «Антропологогеогра-

фия»), сам автор оставался в основном малоизвестным. В его работах встречается много ссылок на его «космополитизм» и «лояльность к саамам», и он пользуется репутацией одного из первых учёных, которые поставили волю и разумность скольт-саамов в центр внимания, в его синтезе *sijt* — «деревенской» адаптации скольт-саамов (*siida* — «саамская деревня» на скольт-саамском)¹. Он также получил высокую оценку за то, что смог избежать самых агрессивных суждений о том, что саамы обладают меньшими умственными способностями.

Таннер как политик практически неизвестен: очень мало написано о его политических и идеологических взглядах в более ранних источниках. Один из немногих примеров, когда он объяснил свои политические взгляды, был период после его добровольного изгнания из Финляндии в Швецию в 1944 г., по причине его разочарования анти-шведской политикой финских националистов, так называемых «истинных финнов» (*Aitosuomalaiset*). Он разделял также сильные антинацистские настроения во время войны 1941–1944. Существует также недостаток данных о его позиции касательно политики в отношении саамов, о том, как государства должны относиться к своим саамским меньшинствам. Хорошо известно его критическое отношение к тому, чтобы саамы начали заниматься сельским хозяйством. Во время его активного периода в качестве государственного чиновника и учёного политика в отношении меньшинств в Финляндии была в процессе формирования, и хотя саамы имели особый, неформальный статус коренного меньшинства Финляндии, скольт-саамы были исключением, как «новое» и более «иностранный» меньшинство в границах молодого национального государства, так как Печенга (Петсамо) были присоединены к Финляндии в 1920. «Антропогеография» в действительности является достаточно неопределённой по этому вопросу, так как книга содержит многочисленные и даже противоречивые размышления о том, как помочь скольт-саамам стать современными [3, Susiluoto P., с. 18]. Таким образом, исследование по данному вопросу на основе архивных источников отсутствует.

Одним из учёных, затронувших вопросы этого «белого пятна» данных, является профессор истории Астри Андресен, которая кратко обозначила факт невежества Таннера относительно норвежского обращения с саамами, проживающими в районе реки Патсойоки (на русском: река Паз) в пограничных переговорах между Финляндией и Норвегией 1922–1925. Поддержка норвежского населения привела к нарушениям прав патсойоки-саамов с конца XIX в. и позднее. В результате переговоров права скольт-саамов на промысел лосося с нор-

¹ Скольт-саамы (норв. *skoltesamer*, *skolter*) — этническая группа саамов, проживающих на северо-востоке Лапландии в трёх странах: Норвегии, России и Финляндии. Традиционные промыслы саамов-сколтов — оленеводство, охота и рыболовство. Общее число сколтов составляло около 1000 чел.: 600 — в Финляндии, 250 — в России, 150 — в Норвегии (2011) // Сколты. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сколты> (дата обращения: 10.11.2016). — Примечание редакции журнала.

вежского берега реки Паз были аннулированы; этого решения норвежские чиновники ждали ещё с 1890-х гг., опасаясь «русских» меньшинств на их территории. Таннер участвовал в переговорах в качестве делегата от финского министерства иностранных дел. Андресен писала, что Таннер не был осведомлён и о ещё более зловещих особенностях политики в отношении норвежских саамов. Кроме того, в «Антропогеографии» Таннер следовал норвежской идее по следующему вопросу: он нашел причину низкого улова в низком качестве промысловых снастей, что было верно лишь отчасти, но он отрицал показания скольт-саамов о том, что они были лишены прав на рыболовство, а это как раз и соответствовало реальному положению дел [6, Andresen A., с. 17–25, 75–81, 85, 119–122, 157, 160; 7, Tanner V., с. 146–147, 171].

Что же Таннер значил для скандинавской политики? Какой политики в отношении саамов он придерживался? Какие факторы повлияли на выбор его политики? Таннер был одновременно государственным чиновником и исследователем. С методологической точки зрения, он мог бы использовать своё положение и оказывать влияние, будучи вовлечённым во многие события и дискуссии. Они способны как оказывать влияние, так и предоставлять инструменты для исследователя / должностного лица; они могут применяться в качестве ресурса, используемого для различных целей [8, Shapin S., с. 93, 110]. Как исследователь он был более свободен в выборе установок, понимаемых как способы говорить и писать о саамах, в отличие от более жёсткой позиции чиновника, формалиста и защитника интересов государства в обсуждениях тем, связанных с саамами. Соответственно, в отношении методов контекст имеет такое же значение, как и языковые следы в текстах. И контекст, и дискурс² могут быть использованы для изучения мотивации, обоснования [9, Mathiesen S.R., с. 103–104], намерений, влияний, политико-идеологические окружения и преобразований в политическом мышлении Таннера. Доступность и понимание политико-идеологических влияний в определённых контекстах меняется в зависимости от положения чиновника/учёного в социальной структуре, от времени и места. Не существует как прямой причинно-следственной связи между контекстом учёного, так и его тираническим дискурсом, который управляет ручкой в его руке.

В то время как государственные чиновники должны повторить дискурсы, озвученные в учреждениях, для которых они служат, учёные могут использовать осмысленную инструментальное видение в своей работе; их расчеты могут принимать во внимание цели, касающиеся общества в целом, или не могут. Значительные контексты и дискурсы также частично

² Дискурс (фр. discours, лат. discursus — перемещение из одного места в другое) — речь, текст, рассуждение, диалог. Понятие, распространённое в постмодернистском лексиконе, означающее стиль мышления и способ аргументации, вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний её участников. — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

происходят из их жизненных историй или с позиции одного учёного, занимающего определённое место в социальной структуре и научном сообществе [8, Sharin S., с. 93–100; 10, Sharin S., с. 179, 197–198]. Эта мотивация может не проявляться самостоятельно, и интерпретации должны оставаться условными. Тем не менее, мотивация и обоснование идей Таннера по наилучшему способу обращения с саамами, по крайней мере, были проанализированы в дальнейшем. Контексты, в которых они происходили, это его карьера, профессиональные роли, и политико-идеологическая среда, в которой была сформулирована политика скандинавских стран в отношении саамов. Источниками являются его личный архив, расположенный в университетском музее Тромсё и соответствующие части его научных работ.

Как хорошо известно, Россия / Советский Союз играет важную роль в истории Финляндии. В течение времени жизни Таннера, отношение финнов к России менялось от удовлетворительного до негативного, даже до ненавистного, и наконец, свелось к пониманию необходимости установления новых дружественных взаимоотношений после окончания Второй мировой войны. Негативные настроения были той исторической силой и факторами, без которых финская идеология осталась бы непонятой. Политическое мышление эпохи было пронизано идеями различий между национальностями, что национальность автора является почти без исключения высшей и наиболее развитой, с аналогичным мнением о русских/советских людях. Поэтому текст, который следует ниже, содержит характерные для того времени идеи финнов и русских. Они должны восприниматься в историческом контексте, а не как мнения автора данной статьи.

Таннер: история происхождения и ранняя карьера

Вяйнё Таннер родился в 1881 в г. Хэмеенлинна, расположенном на юге Финляндии. Его отец Ричард Таннер был торговцем, его мать Хильдегард Каролина Кант из Лангтора, провинция Уппланд в Швеции. В доме Таннера говорили на шведском³ [11, Wenner C-G., с. 187], а семья принадлежала к представителям среднего класса маленького городка, которые говорили на шведском языке. В 1914 г. он женился на Дженни Саломон-Сёренсен из Мальмё, Швеция, поэтому его связи со Швецией стали ещё глубже [12, Lundqvist G., с. 143–144]. Таннер учился в двух высших учебных заведениях, что было характерно для того времени для тех немногочисленных учеников, желающих продолжить свою учёбу в нескольких доступных высших учебных заведениях в Финляндии [13, Strömberg J., с. 258]. Таннер закончил Политехнический институт в 1905 г. (диплом инженера-химика) и продемонстрировал намере-

³ Таннер вёл переписку с бабушкой со стороны отца на шведском. Напр.: Archive of Tromsø University Museum (ATUM), Archive of Väinö Tanner (AVT), Box 18, folder 3, Korrespondanse 1929, Letters from Hilli Tanner, 1929.

ния продолжить свою карьеру исследователя с самого начала обучения (кандидатская в 1909 г.), защитил докторскую диссертацию в 1914 г. [14, Tanner V.] по геологии в Императорском Александровском университете — учреждении, лучше приспособленном для создания такой научной работы. Его диссертация была частью более крупной серии публикаций о четвертичной системе, о движении континентального льда. Между 1903 и 1913 гг. он, работая в Геологической комиссии Финляндии, участвовал в геологических экспедициях в Лапландию. В 1908 г. посетил Кольский полуостров и в 1909 г. — Нот-озеро и Сонгельск (Notozero и Suenjel/Songelsk). Он рано начал преподавать и заниматься научными исследованиями при Геологической комиссии в Политехническом институте, и с 1905 г. — в Императорском Александровском университете, где он преподавал геологию и минералогию⁴ [3, Susiluoto P., с. 10–11; 15, Michelsen K-E., с. 166–167; 16, Rantala L., с. 45–46]. Таннер много учился за рубежом, изучал картографию в Стокгольме, геологию в России, а также языки в Швейцарии, Германии и России. Это одна из причин, почему его называют «космополитом».

Быстрый карьерный рост Таннера в самом начале его профессиональной деятельности был основан на общем подъеме классовых структур в стремительно обновляющейся Финляндии, и также на потребности государства в образованных специалистах и экспертах. Количество обучающихся студентов было небольшим и перспективы занятости для них были хорошими, особенно в науке; получение работы ещё до окончания учебного заведения было вполне типичным явлением [13 Strömberg J., с. 230–232, 235–236, 239–240, 257; 17, Strömberg J., с. 21]. Карьера Таннера получила краткое международное продолжение по причине его участия в работе комиссий, связанных с кризисом оленеводства в Турне Лаппмарк, в пограничной области между регионом Норрланд в Швеции и губернией Тромс в Норвегии (председательство в 1910–1912 и 1914–1917). Эта деятельность включала представление адаптационных форм и мер для саамов, а также многочисленные аспекты приграничного кочевничества. Он получил методологические уроки во время экспедиционных работ и во время общения с саамами. Среди его коллег были также некоторые первоклассные исследователи саамов той эпохи, например, Кристиан Ниссен, с работами и экспертными рекомендациями которого Таннер был знаком. Согласно архивным данным, ему ближе была шведская политика и деятельность шведских членов комитета, чем норвежских, которые открыто сомневались в надёжности и ценности свидетельств саамов. В любом случае, Таннер, как председатель комитета, охотно принял на себя роль эксперта, которую он исполнял также в своей более поздней научной карьере в отношении саамов [18, Nyysönen J.].

⁴ ATUM, AVT, Box 18, folder 10a, Private documents, CV.

Это была его позиция, которой он придерживался в предпочитаемой им политике в отношении саамов.

Краткое участие Таннера в работе Министерства иностранных дел и дипломатическая карьера (1918–1921), скорее всего, были связаны с тем, что администрация сферы международных отношений была в числе тех немногих отраслей, которые не имели административных структур или собственных министерств в новой независимой Финляндии (ещё одной областью была национальная оборона, все прочие административные ветви брали своё начало из эпохи автономии). Министерство иностранных дел было образовано в 1918 г., и количество постоянного персонала оставалось небольшим. Набор сотрудников на дипломатическую службу, в консульства и посольства (начиная с 1918 г.) происходил «по воле случая». Требовались сотрудники со знанием иностранных языков, так что университетское образование было естественным требованием при приёме на работу [19, Selén K., с. 170–171]. Таннер, с его опытом в области международного сотрудничества и знанием языков, обладал для этого необходимыми качествами. Таннер служил в Румынии, Болгарии, Турции и Греции. Он также выполнял непродолжительные поручения министерства. В 1918 г. он работал в качестве гражданского служащего в Департаменте внешней политики в миссии в Стокгольме, Швеция [2, Massa I., с. 202; 4, Susiluoto P., с. 12]. Он выступал в качестве эксперта в мирных переговорах между Финляндией и Советской Россией в Дорпате в 1920 г., а также в роли политического советника в Норвегии [20, с. 125]. В 1922 г. директор Комиссии по геологии Министерства иностранных дел пригласил Таннера заняться картографией месторождений полезных ископаемых в Печенге / Петсамо; эта деятельность продолжалась в течение 1924–1931 гг. В этот период он, в качестве государственного геолога, занимался геологическими исследованиями. Высокое содержание руды на месторождениях было обнаружено при бурении летом во второй части 1920-х гг., в то время как земляные работы на шахте начались в 1936 г. Добыча началась в 1942–1943 гг. [21, Nummela I., с. 112; 22, Vahtola J., с. 285–290, 305]. Помимо своей основной деятельности, Таннер собирал саамские топонимы и занимался геоморфологией и исследованиями береговой линии Северного Ледовитого океана. Возможно, в 1928–1930 гг. он вёл археологические раскопки, локализуя жилища каменного века на основе анализа древних береговых линий. Общение со скольт-саамами, продолжающееся в летние сезоны 1924–1927 гг., было одним из факторов, приводящих к постепенному смещению его интереса к географии человека. В течение 1920-х гг. Таннер написал монографию о скольт-саамах [1, Massa I., с. 67; 3, Susiluoto P., с. 12-13; 4, Susiluoto P., с. 77, 87; 12, с. 143–144].

«Антропogeография» — это синтез по истории скольт-саамов, по организации саамской деревни, её управлению, адаптации скольт-саамов и их способов жизнеобеспечения, по их отношению к окружающей среде и продолжающемуся кризису жизнеобеспечения и по общему состоянию народа. Книга имеет сложную политическую составляющую, призывает скорректировать ошибочные и предвзятые мнения о скольт-саамах, отказаться от русских культурных, языковых и расовых влияний, комментирует неразумную финскую политику (он начинает писать положительно о русских после того, как финны входят в Петсамо), а также «содействует счастью народа природы», воспроизводя критические и фактические данные о народе и явлениях Крайнего Севера. В книге существует неразрешимое противоречие между попытками возвысить положение скольт-саамов в существующей иерархии, и свойственный тому времени подход понизить скольт-саамов в обратном направлении, к примитивному положению. Кроме того, вера в расу как научный и иерархический фактор усложняет проблематику данной книги. Ещё до публикации «Антропogeографии», Таннер придерживался пространных мнений скандинавской политики в отношении саамов. Он никогда не поднимался до позиции принятия решения в пользу какой-либо политики, но что он имел в виду, говоря о них?

Таннер о скандинавской политике в отношении саамов

Как уже упоминалось, Таннер не был достаточно осведомлен об истинной силе политики норвегизации в начале 1920-х гг. В архивных данных содержатся достаточно обширные размышления по этой теме: в архивной рукописи Таннер подразумевал, что аннексия Печенги / Петсамо означала, что Финляндия получила «саамский вопрос». В своей работе по данному вопросу он пересматривал варианты Норвегии и Швеции по решению данной проблемы: Швеция практиковала гуманистически-сентиментальную «протекционистскую» политику, вынуждая саамов продолжать заниматься оленеводством. Норвегия придерживалась национально-экономического и социально-политического подхода, в котором саамам были предоставлены одинаковые права и обязанности со всеми гражданами страны, и предполагалось, что они должны были находиться в резерве одного и того же рынка труда, как и все остальные. Таннер в перспективе рассматривал и государственную риторику, и демонстрировал лучшие знания по шведской политике. Что касается норвежского варианта, его концепции не хватает весьма критического финского способа охарактеризовать политику по отношению к меньшинствам финно-угорских народов в Норвегии, особенно к финнам или финскоязычным меньшинствам, квенам — что стало уделом финских националистов с середины 1920-х гг., которые выступали против плохих экономических, языковых и образова-

тельных условий квенов, и обвиняли в этом норвежскую политику [23, Kaukiainen L., с. 104–113]. Учитывая негативное мнение Таннера об «истинных финнах», он, скорее всего, чувствовал отвращение при мысли войти в их ряды.

Когда дело дошло до формулировки наилучшего финского ответа на саамский вопрос, Таннер поддержал шведскую альтернативу. Первым аргументом стало утверждение, что для саамов было бы нежелательно конкурировать самостоятельно против интересов других профессиональных групп, принимая во внимание относительную слабость саамов. Во-вторых, природные условия не соответствуют положениям выбранной политики, разведению крупного рогатого скота, развивая критику выбранной финской политики в Лапландии и в Петсамо. Существует достаточно пастбищ, и месторасположение саамов наиболее подходит для оленеводства, завершает Таннер обсуждение этой темы ⁵. Доброжелательный, гуманистический, отеческий, протекционный и нормативный взгляд подразумевает, в свою очередь, рассматривать положение саамов как самое низкое, как людей с наименьшими возможностями или способностями действовать в своих собственных интересах, на территории, занятой более сильными, более способными группами действующих лиц. Государство Финляндия приобретает роль угрозы и роль примера. И государство должно принять меры для сохранения скольт-саамов. Эти роли не должны противоречить друг другу, так как успех протекционистской роли Финляндии зависел от того, как государственные чиновники следовали экспертному мнению Таннера. Таннер имел привычку рекомендовать скандинавский подход как пример для региона. Этот сдвиг в сторону скандинавской политики и его финский антипод, является ещё одной причиной для рекомендованной политики. С большей определённостью можно утверждать, что Таннер не применял более агрессивный норвежский рационализаторский дискурс в отношении скольт-саамов [6, Andresen A., с. 155]. Он не соответствовал его дружественному подходу к скольт-саамам.

Самые последние исследования описывают шведскую политику в отношении саамов как патерналистскую, в которой признаются и соблюдаются культурные иерархии, но сохраняется протекционизм и консерватизм. В XIX в. социальное дарвинистское убеждение об исчезновении более слабого народа сочеталось с идеями христианства и необходимости оказания гуманистической помощи для продления его существования как можно дольше. Воздействие цивилизации будет означать обеднение и увеличение социальных расходов, а также потенциальную потерю кочевого образа жизни, который считался вредным и неудачным для саамов.

⁵ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikannimiä, koonnut V.Tanner, undated manuscript «Med Petsamo-området...»

С гуманистической точки зрения было бы правильным поддержать саамов в их кочевом образе жизни, который был обусловлен их расовыми характеристиками и местами проживания. Идея протекционизма была основана также на восприятии саамов как не способных позаботиться о себе, они нуждаются в руководстве свыше. Идеи о том, что они могут пострадать от цивилизации, были многочисленными в шведском дискурсе о саамах в первые десятилетия XX в., когда Таннер работал в комиссиях по оленеводческим пастбищам. Эти идеи привели к уменьшению их прав в сравнении с правами населения Швеции [24, Lantto P., с. 11–16]. Как я уже отмечал, шведская саамская политика была известна Таннеру.

По масштабу интеграции-сегрегации-ассимиляции, тенденция определить правильный путь для саамов привела в шведском случае к комбинации сегрегации и ассимиляции. Саамские школы были направлены на сохранение кочевого образа жизни для саамских детей, за счёт уменьшения количества учебных часов и отрицания современных удобств, таких как надлежащее жильё и др. Сохранение оленеводческого кочевнического образа жизни саамов осуществлялось посредством ряда защитных мер, например, созданием границы культивирования, которое закончилось в основном безуспешными попытками сегрегирования саамов от современного мира. С другой стороны, саамы, которые по каким-либо причинам отказывались от оленеводства или практиковали другие виды жизнеобеспечения, были исключениями, не удовлетворяющие строгим критериям «реальной» жизни саамов. Они должны были ассимилироваться со шведским населением, так как это и должно было произойти в любом случае. Протекционистский подход и отношение как к нижестоящим, привели к строгому контролю над саамами, в виде создания саамской службы (Lappväsendet), административного органа для решения «саамского вопроса» и осуществления политики в отношении саамов. В период ранних шведских контактов Таннера, учреждение в основном осуществляло различные аспекты сегрегации «Саам должен оставаться саамом» [24, Lantto P., с. 16–17, 141; 25, Lundmark L., в разных источниках]. В своей формулировке финской саамской политики Таннер поддерживал разделение, но, как мы увидим, не обязательно ассимиляцию саамов.

Если шведский подход был гуманитарным на словах, иерархическим на практике и также подразумевал использование силы определения, норвежский вариант был более прямолинейен в своем желании объединить и «цивилизовать» саамов. Оленеводство было одним из примеров того, что должно было исчезнуть из их жизни. Следовательно, будущая адаптация саамов к занятиям сельским хозяйством будет означать скачок вверх в культурной иерархии и слияние с норвежской культурой. Эта позиция была пронизана социальным дарвинизмом: кочевой образ жизни, как пережиток прошлого, должен был исчезнуть в столкновении с

более сильными формами существования. Политика норвегизации была основана также на (необоснованных) страхах о том, что саамы и квены могут выступить в роли «пятой колонны» с увеличением численности враждебных финнов и русских / советских жителей на севере Норвегии. Школа должна была стать самым важным учреждением в управлении этой национальной угрозой. Учительский состав и язык обучения должны были быть норвежскими. Кроме того, национал-конформистская политика норвегизации проводилась в период с 1850-х и до 1950-х гг. в таких отраслях, как строительство дорог, политика землепользования, церковное строительство и обширный контроль над «иностранными национальностями». В качестве одного из вариантов глобальных усилий цивилизовать и ассимилировать туземцев, политика норвегизации выделяется как исключительно долговечная, и оставившая прочные следы в общинах меньшинств, наиболее очевидные в потере языка / возможностей [26, Eriksen K.E., Niemi E., с. 26; 27, Jernsletten R., с. 8–17; 28, Minde H.].

Экономический аргумент и цель создания активного резерва рабочей силы, о которых говорил Таннер, были признаны менее важными, чем цель обеспечения национальной безопасности, по мнению Кнута Эйнара Эриксона и Эйнара Ниemi в их произведении о политике норвегизации *Den finske fare* (*The Finnish Menace*, 1981). Эти идеологи были нацелены на культуру меньшинств, их языки и чувство единения, которые предполагалось заменить на норвежское самоощущение и идентичность. Регнор Йернслеттен обсудил экономические предпосылки политики землепользования, право собственности могло быть закреплено только за теми, кто владеет норвежским языком. Экономический фактор, о котором упоминал Таннер, выражался в очень небольшом успехе политики аренды земель, так как ограничение продажи земли только норвежским гражданам оставалось в основном неиспользованным, а старая расстановка приоритетов экономической консолидации Финнмарка и переход от кочевого к оседлому образу жизни оставались более важными целями. В политике аренды земли страх перед иностранными национальностями был самым сильным, и фактическая дискриминация была наиболее вопиющей в отношении квенов, но эта политика не препятствовала заселению саамов и квенов. Более чем вопрос создания трудового резерва, по мнению Эриксона и Ниemi, обсуждение касалось идеи «квен как национальная угроза». И оседлое земледельческое поселение рассматривалось в качестве решения проблемы кочевничества саамов раз и навсегда [26, Eriksen K E., Niemi E., с. 22–24, 60–61, 69–81, 119, 126–128, 228–237; 27, Jernsletten R., с. 17–18].

Аргументация, схожая с мнением Таннера, также присутствует в дискурсе о школах, как прогрессивном факторе для меньшинств, считающихся «малоразвитыми». В этих обсуж-

дениях звучали доводы о национальной угрозе и более значимые — о необходимости цивилизовать меньшинства и встроить их в норвежское общество, как писал директор школы в Финнмарке, Бернт Томассен в 1917 г. (саамы называли его [Николай] «Бобрикофф», имея в виду генерал-губернатора Финляндии с его целью «русифицировать» Великое княжество Финляндское; он был убит в 1904 г.). Саамы и квены почувствовали бы единство с норвежцами, а также разделяли солидарность и норвежскую культуру и радовались благосостоянию в результате подъёма, и конечной целью являлось создание лояльных граждан саамов и квенон (противопоставление политики норвегизации означало, что обращение с меньшинствами привело бы к таким же результатам). Эта риторика не объясняла обязанности новых полноправных граждан, пользующихся равенством, обещанным норвегизацией [26, Eriksen K.E., Niemi E., с. 115–121], как в формулировке Таннера, но могла служить для него в качестве источника, так как он был занят короткой перепиской по вопросу школ с одним пламенным сторонником норвегизации Йоханнесом Хаахеймом, из бывшего района скольт-саамов в Нейдене⁶. Этот источник показывает более поздний интерес к этому вопросу и мягкое критическое отношение Таннера к политике норвегизации в школах. Здесь Таннер демонстрирует понимание запросов государства, но соглашается не полностью, особенно в отношении культурных изменений. Согласно полукочевой модели, которую предпочитали шведские эксперты и Таннер, оленеводство должно было остаться в качестве народного культурного умения в среде, наилучшим образом приспособленной для такой адаптации.

Это было очевидным для Таннера, как и то, что современность представляла собой угрозу в том плане, что финны опрометчиво поддерживали развитие сельского хозяйства, плохо подходящего для существующей окружающей среды, и там, где ещё не существовало перекрытий между нишами для различных способов существования. Таннер сам хотел создать границу, разделяющую область сельского хозяйства, лесного хозяйства и оленеводства в регионе, на благо всех трёх упомянутых форм землепользования. Одним из источников этих идей

⁶ Только что закончивший семинарию в Тромсё Йоханнес Хаахейм был направлен в многоязыковой регион Нейден учить детей саамов и финнов, потому что он не владел саамскими языками. Это было логичным в рамках политики норвегизации, практикуемой в 1880–1890 гг. Хаахейм сам был родом из Харданжера, Вестланн, и являлся активным членом местной «аристократии» в Нейдене, с позицией доверия по крайней мере к церкви и муниципалитету. Он был мэром в 1901–1904 гг. и пользовался хорошей репутацией в муниципалитете также как учитель, «который «норвегизировал» учеников без применения силы» [Rasmussen, Sigrun: Neiden kapell og Svanvik kapell, Nasjonal oppbygging i Sør-Varanger, Hovedoppgave i kunsthistorie, våren 2007, Institutt for filosofi, ide- og kunsthistorie og klassisk språk, Universitetet i Oslo, 35, 37–38]. Хаахейм изображён в Den finske fare как ярый пропагандист политики норвегизации. Он открыл первое школьное общежитие в Нейдене и руководил им, писал о ненадёжности квенон в регионе в своих секретных отчётах, которые он высылал военным [26, Eriksen, K. E., Niemi, E., с. 66, 137–138].

были шведские идеи по этому вопросу, и один из провокационных дискурсов был финский, восхваляющий финского крестьянина в качестве идеала нормы [29, Tanner V., с. 81, 97].

В переписке, Таннер говорил, что он не согласен полностью с Хаахеймом, без указания моментов несогласия (оригинал письма от Хаакейма к Таннеру не был найден в архивных документах), но Таннер взял в качестве отправной точки мнение саамского ученика: в худшем случае ученики сидели в классной комнате, не понимая языка учителя и не получая никакой пользы от такого обучения. Прошло много времени, прежде чем Таннер обратился к идее национальной безопасности, которая являлась отправной точкой в большей части разговоров о политике норвегизации. Но в конце концов Таннер вернулся к эволюционному мнению, утверждая в унисон с Хаахеймом, что образование должно соответствовать культуре разных национальностей, и интересы государства соблюдаются наилучшим образом, если люди тесно связаны вместе в твердую культурную единицу (*kulturförband*). Развитие культуры не может продолжаться независимо от развития существования, поддержания народа (*folkbestånden*)⁷.

Размышления Таннера продолжались в двух направлениях. Концепция Таннера по истории и культуре была эволюционной, но Таннер обдумывал вопросы национализации в рамках школьной структуры⁸ и также с точки зрения равенства. Есть явные признаки демократического гуманизма, в то время как его обсуждение лучшего для государства не определяет культурные аспекты, в которых ученики должны быть объединены. Единственная форма и идея развития указывают, скорее всего, на основную культуру каждого основного государства. Тем не менее, последнее предложение, кажется, относится к несколько более плюралистическим мнениям о культуре скольт-саамов, столкнувшейся с современной культурой, и к чему они должны быть готовы для того, чтобы не встретить её прямолинейно, от примитивной позиции, согласно «Антропогеографии», но, в которую они не должны обязательно погружаться, и ассимилироваться. По моему мнению, Таннер не поддерживал ассимилятивные меры. Дополнительное подтверждение этого отношения восходит к более раннему тексту о скольт-саамских топонимах, в котором Таннер писал о саамах в процессе аккультурации, ассимиляции как нежелательном. Таннер использовал свой собственный термин *eräkansallistuttaminen*, что переводится примерно как «денационализация саамов» и может использоваться для перевода термина *Die Denationalisierung*, используемого в научных текстах того времени [30, Kihlman A.O., с. 39]. Явный мотив спасения в статье подробно из-

⁷ ATUM, AVT, Box 6, folder 1b, Muetkess, Njaudam, undated draft for a letter to Mr. Haaheim.

⁸ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikanimiä, koonnut V.Tanner, undated manus "Schnitler omtalar nämligen i sitt..."

ложен и касается необходимости сохранения традиций скольт-саамов для будущих поколений, прежде чем они исчезнут — напоминает начальную точку большей части аргументации для политики ассимиляции, которую Таннер, однако не развивал [31, Tanner V., с. 3–4].

Таннер подготовил ещё один проект по школьному вопросу, в котором он более щедро делился своими мыслями. В его рассказе о саамской школе, он скептически относится к пожеланию размещения детей саамов в ту же школу с учениками, принадлежащими к иной, более высокой расе. Их столкновение может стать неудачным, и школа может оказаться в качестве «пыточного учреждения для дитя природы» (*tortyranstalt för naturbarnen*) и привести к отказу саамских детей учиться в школе. Поэтому, а также из-за общей неприязни саамов к школьным общежитиям, Таннер поддерживал идею собственной школы в зимней деревне. Таннер говорил об ещё одном аспекте в его критическом обсуждении общежитий: где можно найти женщину с достаточно культурной зрелостью, чтобы преданно заботиться о таком количестве детей, принадлежащих к другой расе? Отрывок из текста заканчивается цитатой из первого романа Birra Muiitalus Samiid (*Story about the Sami* — «Рассказ о саамах», 1910), в котором автор Йохан Тури выражает своё мнение о плюсах (саамов всё труднее соблазнить, так как они учатся читать, писать и выполнять арифметические действия) и минусах (неизбежные изменения в культуре и природе от саамской к крестьянской) шведской «5-летней школы» [32, Turi J., с. 28–29]⁹. Идея является иерархической и рациональной, но в то же время сострадательной и культурно чувствительной, и более склонна к культурно-охранному духу шведской модели, чем к ассимиляционному норвежскому варианту. Она также может на самом деле охватывать некоторые аспекты реальных столкновений саамских учеников уже направленных в школы на севере — Таннер ссылается на дискуссии между ним и шведскими саамами в текстовом отрывке. Расовый фактор пытались использовать в качестве вспомогательного, и как патерналистский и инструментальный тон, но, по крайней мере, в ретроспективе он терпит неудачу в качестве аргумента.

Кроме общего «развития», закономерного и желаемого результата школьного опыта, Таннер не касался вопроса упразднения и исчезновения культуры коренных народов, или насаждения иной культуры, предоставления политических прав или спасения коренных жителей, все эти моменты были типичными способами говорить об ассимиляции и прогрессе индустриальной социологии групп коренных народов, включая пример норвежцев [28, Minde H., с. 126–131; 33, Cairns A.C., с. 53–56]. Таннер использовал саамские источники, которые смягча-

⁹ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikanimiä, koonnut V. Tanner, undated manuscript in a collection titled «Upplysningen».

ли его дискурс. Попытка взглянуть на ситуацию с точки зрения саамских учеников имела тот же эффект.

В своих суждениях по норвежской политике Таннер оказывался в ситуации, когда он не обладал достаточной информацией. Некоторые аспекты политики являлись секретными, и многие последствия политики норвегизации проявились позднее. Политика сопровождается силой и охватом, которые не способствуют отражению реальной исторической ситуации всех фаз политики норвегизации, охватывающей период более десяти лет. Данное утверждение не является преуменьшением политики норвегизации, а выступает в качестве методологического заявления о доступных исторических знаниях в контексте того времени, и последствиях, которые имели исторические явления в различных политических проектах впоследствии. Обе этих сферы, историческая и политическая, могут быть изучены исторически, но должны разделяться, так как эпистемологические правила, в соответствии с которыми действуют исторические субъекты, различны.

Заключение: Таннер — дружественный саамам учёный?

В общем, Таннер разделял позицию социального дарвинизма и мировоззрение, присущее шведской политике и более агрессивному норвежскому варианту в отношении саамов. Направление суждений Таннера было аналогичным, саамы продвигались вверх по лестнице социально-культурной эволюции, и обсуждались только средства и темпы подъема. Таннер выбрал более мягкий, шведский вариант, тот, который оставлял место для некоторой культурной чувствительности и защиты культурной среды, а также, что самое главное, для оленеводства, формы существования зарезервированной для саамов. Его культурная чувствительность была наиболее очевидна в его несколько неоднозначных мнениях о школе и саамах.

Расовый вопрос был поясняющим и исследовательским фактором для Таннера, и он включил продолжительную главу о физической антропологии в «Антропогеографию». Однако, он не вставил в свою книгу агрессивную норвежскую риторику о саамах. Это не обязательно ещё один признак неосведомлённости о политике норвегизации, или простое нежелание. Агрессивная норвежская риторика была тем, против чего он намеревался выступать в первую очередь, и, следовательно, должен был не упоминать норвежские идеи в своей книге, либо должен был выступить против них. Для Таннера норвежская риторика была дефектной, непригодной дискурсивной зоной, а не источником влияния. Книга должна была стать ответом на финский агрессивный дискурс о скольт-саамах, объясняющим, что норвежские и скандинавские рассуждения о германском превосходстве бесполезны, из-за силы дискурса, разместившей саамов на самую низкую ступень. Как финн и швед, он мог бы также разде-

лять мнение о германском расовом превосходстве по сравнению с финнами и другими финскими меньшинствами, и эта позиция была достаточно притягательной. Из-за этой двойственности и скудных формулировок, «Антропогеография» не даёт однозначного ответа о мнении Таннера касательно политики в отношении саамов.

Среди дискурсов, которые он не выбрал для воспроизведения, были дискурсы об «истинных» финнах по притеснению диаспор финно-угорских меньшинств. Это подтверждает старое представление о нём как о человеке, выступающем против идеи «истинных» финнов. Это известный факт, который хорошо резонирует с его финско-шведской национальностью. То же самое относится и к политике в отношении финских саамов, которую он подвергал критике в своей «Антропогеографии».

Изложение Таннером предпочтительной политики в отношении саамов, казалось, образует парадокс по отношению к его «дружественной к саамам» позиции. Шведская политика была опротестована в то время саамами и, безусловно, впала в немилость среди исследователей. Таннер писал как эксперт, что иногда приводило к патерналистскому отношению, иногда он даже чувствовал себя виноватым из-за «неправильных» решений в отношении саамов, так как выбор правильных решений им предложен не был. Его категоричный взгляд иногда был суров, столь же суров, как и шведская политика, и он выступал за «правильную» форму полукочевого оленеводства. Роль эксперта в шведском дискурсе стала для него глубоко привлекательной и повлияла на его научные труды. Он назвал шведскую политику «гуманистически-сентиментальной», что означает, что он считал норвежскую политику более инструментальной и культурно менее чувствительной. Он был искренним «другом саамов» в соответствии со стандартами его времени. В то время, патернализм, присущий шведской политике, воспринимался по-другому, он получил значение враждебного влияния на саамскую рациональность и чувствительность позже. Кажущаяся благосклонность при встрече с коренным населением, действие и диктующая политика в интересах коренного населения и от его имени, были частью императорских и гигиенических дискурсов того времени. То есть причины этой политики были продиктованы интересами государства, здоровьем государства. Это были две стороны одной медали, и они не отрицали друг друга.

Среди аспектов, которые по-прежнему делают Таннера дружелюбным исследователем в отношении саамов, является выбор «гуманной» политики, также касающийся идеи о расе. Как и в политике, он никогда не принимал евгенические или детерминистские взгляды относительно расы, но связывал расовое обсуждение с более широкими размышлениями о жизнеспособности народа. Он прекратил, как известно, возражать норвежским учёным, та-

ким как Амунд Хелланд, что скольт-саамы не вымирали или вырождались [7, Tanner V., с. 329]. По мнению Таннера, саамы были способны к развитию, но развиваться им было бы нужно так, как считал Таннер.

Литература / References

1. Massa, I. Arktisen kulttuurintutkimuksen juurilla. Väinö Tanner suomalaisen antropogeografian uranuurtajana. *Suomalaisen antropologian uranuurtajia* / ed. Kelles-Viitanen A. Helsinki: Finlands antropologiska sällskapetets skrifter 7. 1981. 171 p.
2. Massa, I. The problem of the development of the north between the wars: some reflections of Väinö Tanner's human geography. *Fennia* No2 (162). 1984. pp. 201–215.
3. Susiluoto, P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa (Human geography in Petsamo during the Finnish era). *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2000. 110 p.
4. Susiluoto, P. Two Skolt Geographies of Petsamo during the 1920s and 1930s. *Encountering the North, Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes* / ed. Möller F. and Pehkonen S. Aldershot: Ashgate. 2003. 294 p.
5. Susiluoto, P. Väinö Tanner: Some remarks on critical dimensions of Antropogeografiska. *I går, i dag imorgon – Samerna, politiken och vetenskapen* / ed. Sköld P. and Axelsson P. Umeå: Skrifter från Centrum för Samisk forskning 4. 2005. 272 p.
6. Andresen, A. *Sii'daen som forsvant, Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826*. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989, 194 p.
7. Tanner, V., Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skolttalapparna. *Fennia* No4 (49). 1929. pp. 1–518.
8. Shapin, S. Social uses of science. *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G. S. and Porter R. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. 500 p.
9. Mathiesen, S. R. Changing Narratives about Sami Folklore, A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku: Nordic Network of Folklore. 2000. 284 p.
10. Shapin, S. History of Science and its Sociological Reconstructions. *History of Science* No49 (20:3). 1982. pp. 157–211.
11. Wenner, C-G. V. Tanner, En minnesteckning. *Svensk Geologisk Årbok* (24). 1948. pp. 181-189.
12. Lundqvist, G. Väinö Tanner: f. d. professor i geografi vid universitetet i Helsingfors: geolog hos Skånska Cement AB i Malmö. Stockholm: Levnadsteckningar över Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens ledamöter 9. 1968.
13. Strömberg, J. Den högre utbildningens expansion och studenterna från de svenskspråkiga skolorna i Finland ca 1880-1920. *Historisk Tidskrift för Finland* No2 (92). 2007. pp. 229–258.
14. Tanner, V. *Studier öfver kvartärsystemet i Fennoskandias nordliga delar. III. Om landisens rörelser och afsmältning i finska Lappland och angränsande delar*. Bull. Comm. Géol. Finlande 28. 1914. 667 p.
15. Michelsen, K-E. Tiede rauhan ja sodan vuosina. *Suomen tieteen historia 4. Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulta lähtien* / ed. Tommila P. et al. Helsinki: WSOY. 2002. 699 p.
16. Rantala, L. *Kuolaan, Venäjän vallan aikana Kuolan niemimaalla käyneet suomalaiset tiedemiehet ja heidän kirjoituksensa*. Rovaniemi: Lapin yliopiston kasvatustieteellisiä raportteja 5, 2008. 71 p.
17. Andersson, E. Språkvård genom litteratur. *Finlands svenska litteraturhistoria, Andra delen: 1900-talet, Uppslagsdel* / ed. Zilliacus C. Helsingfors/Stockholm: Svenska Litteratursällskapet i Finland, Bokförlaget Atlantis. 2000. 516 p.
18. Nyssönen, J. Väinö Tanner in the field – The early encounters between a state official and Sami herders in the field during the reindeer pasture crisis in Torne Lappmark. *Transcultural Encounters* / ed. Alenius K. and Lehtola V-P. Rovaniemi: Studia Historica Septentrionalia 75. Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys. 2015. 290 p.

19. Selén, K. Ulkoasiainhallinto. *Suomi 75, Itsenäisen Suomen historia 2* / ed. Tarkka J. et al. Helsinki: Weilin+Göös. 1992. 303 p.
20. Tanner produced pro memorias for peace negotiations during his engagements. Lampio, E. and Hannikainen, L., *Petsamon opas*. Helsinki: Otava. 1921. 133 p.
21. Nummela, I. Nickeltransporterna från Petsamo. *Petsamo och havet* / ed. Engman M. and Westerland K. Åbo: Sjöhistoriska Institutet vid Åbo akademi, 2009. 225 p.
22. Vahtola, J. Kaivostoiminta Petsamossa. *Turjanmeren maa, Petsamon historia 1920–1944* / ed. Vahtola J. and Onnela S. Rovaniemi: Petsamo-Seura. 1999. 796 p.
23. Kaukiainen, L., *Avoin ja suljettu raja, Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 270 p.
24. Lantto, P. *Lappväsendet, Tillämpningen av svensk samepolitik 1885-1971*. Umeå: Miscellaneous publications no. 14, Publications from Vaartoe – Centre for Sami Research, Umeå University, 2012. 548 p.
25. Lundmark, L. *“Lappen är ombytlig, ostadig och obekvämlig”, Svenska statens samepolitik i rasismens tidevarv*. Umeå: Norrlands universitetsförlag, 2002. 198 p.
26. Eriksen, K.E. and Niemi, E. *Den finske fare, Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860-1940*. Oslo: Universitetsforlaget, 1981. 470 p.
27. Jernsletten, R. *Samebevegelsen i Norge, Idé og strategi 1900-1940*. Tromsø: Skriftserie – Nr. 6, Sámi dutkamiid guovddáš/Senter for samiske studier, Universitetet i Tromsø, 1998. 192.
28. Minde, H. Assimilation of the Sami — Implementation and Consequences. *Acta Borealia* No2 (20). 2003, pp. 121–146.
29. Tanner, V. Voidsaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi? Keinoja ja tarkoitusperiä. *Fennia* No3 (49). 1927. Pp. 1–122.
30. Kihlman, A.O. Bericht einer naturwissenschaftlichen Reise durch Russisch Lappland im Jahre 1889. *Fennia* No6 (3). 1889. Pp. 1–40.
31. Tanner, Väinö: Petsamon alueen paikannimiä 1, Lappalaisia paikannimiä (The place-names in Petsamo-region 1, Lappish place-names), *Fennia* No 2 (49). 1928. Pp. 1–36.
32. Turi, J. *Min bok om samene*. Karasjok: ČálliidLágádus, (1910) 2011. 206 p.
33. Cairns, A. C. *Citizens Plus, Aboriginal Peoples and the Canadian State*. 2nd printing. Vancouver, Toronto: UBC Press, 2001. 282 p.